

ДЕМОКРАТИЯ И ЛИЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Но сколь бы неоднозначными, где-то и противоречивыми ни были суждения о нынешнем этапе нашего бытия, нельзя останавливаться на полдороге. Вот почему одной из первоочередных задач депутатского форума видится обеспечение полновесных гарантий процессам демократизации, гласности, политической открытости и плюрализма мнений.

«Правда», 24 мая 1989 г.

Происходившие в истекшем и нынешнем году события (особенно различные предвыборные и выборные кампании), а также личный опыт практической деятельности (преподавателя-обществоведа и социолога-исследователя, участника различных диспутов и «круглых столов») побудили меня взяться за перо и обратиться в газету. Непосредственным толчком явилась проводимая в настоящее время кампания обсуждения (точнее, осуждения) проекта программы «Народного движения Украины за перестройку».

Сразу оговорюсь: у нас принято выступать от чьего-то имени — коллектива трудящихся, рабочего класса, «простых советских людей», партии. А уж от имени народа — этот пассаж очень распространен и популярен.

Не берусь выступать от имени интеллигенции, к коей принадлежу по положению. Рискну высказать ряд соображений от своего собственного имени. Хочу выразить свое ЛИЧНОЕ мнение и готова нести за него ЛИЧНУЮ ответственность.

Считаю, что главная наша беда сегодня — недостаточное развитие правосознания, отсутствие подлинной политической культуры. Признаю, что мнение это не оригинально. К этому хочу добавить, однако, что культура эта не дается только просвещением, обучением и убеждением. Она — это прежде всего НАВЫКИ участия в политической жизни, УМЕНИЕ грамотно осуществлять политические акции, понимать, что стоит за параграфом закона, устава, пунктом инструкции, к каким последствиям приводят те или иные используемые нами процедуры.

К последним мы относимся особенно невнимательно и беспечно. И это одна из причин того, что даже те (не очень значительные) демократические гарантии, которые содержались в новых законах либо в поправках к имеющимся законам, по существу не реализовались в полной мере (см., например, статью И. Карпенко «Дороги, которые мы выбираем» — «Известия», 22 марта 1989 г.).

Но именно конкретные процедуры (выборов, голосования, обсуждения), механизмы реализации различных политических акций — это и есть та школа демократии, в которой **ФОРМИРУЮТСЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ НАВЫКИ И УМЕНИЯ.**

Главная задача в настоящее время состоит в том, чтобы использовать такие процедуры и механизмы, которые максимально способствуют участию рядовых граждан и коммунистов в партийных и государственных делах, обеспечивают защиту инициатив, идущих снизу, создают гарантии демократизации. **СЧИТАЮ, ЧТО КАЖДЫЙ КОММУНИСТ НЕСЕТ ЗА ЭТО ОСОБУЮ, ЛИЧНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Обращая на это внимание, хочу напомнить об исключительно актуальных в настоящее время соображениях, которые содержатся в интервью известного советского режиссера Марка Захарова (см. «Правду», 18 ноября 1988 года). Он выражает беспокойство по поводу того, что «Великий знаток тайных механизмов власти и «процедурно-процессуального» прессинга И. В. Сталин оставил мобильное и ладное скроенное хозяйство. Оно отлично срабатывает и по сей день».

Марк Захаров совершенно справедливо высказал тревогу по поводу дилетантизма многих рядовых коммунистов, которые никогда прежде «не интересовались всерьез механизмами тайного и открытого голосования», где, как он считает, «множество тончайших, но важных нюансов, ответвлений, вариантов».

Действительно, «нюансов» и «вариантов» в процедурах и механизмах осуществления политических акций много — в этом мы убедились в ходе выборов делегатов на XIX Всесоюзную партийную конференцию и народных депутатов СССР. Считаю, что наша борьба за демократизацию общества не будет успешной, если «нюансами», «ответвлениями» и «вариантами» будут пользоваться бюрократы, а рядовые коммунисты будут всем этим пренебрегать, проявляя беспечность и благодушие.

Вот теперь самое время выразить отношение к процедуре обсуждения, точнее к кампании осуждения проекта «Народного движения

Украины за перестройку». Не могу сказать, что безоговорочно поддерживаю проект. Более того, считаю, что проект нуждается в существенной переработке. Однако то, что развернулось на страницах местной печати, противоречит элементарным демократическим нормам и принципам. Это не обсуждение, а обвинение, «отпор», клеймение, а главное — это организованная игра «в одни ворота».

Итак, какие процедуры обсуждения избираем и кто несет за этот выбор личную ответственность? Не ответив на этот вопрос, не сможем ответить и на другой, мучающий в последнее время многих советских людей: есть ли гарантии того, что печальное прошлое сталинизма не вернется?

Вдумаемся в то, что происходит: «единогласно» осуждают Народное движение партийно-хозяйственные активы Ильичевского, Припортового районов. В Киевском районе Народное движение единогласно осудили 215 делегатов конференции ветеранов войны и труда, 475 работников жилищно-эксплуатационного объединения. «Так называемое» движение Украины за перестройку осудили все депутаты, присутствовавшие на XIII сессии Одесского областного Совета народных депутатов, обвинив инициаторов проекта в том, что они создают организацию, «действующую вне Конституции УССР, противостоящую деятельности Коммунистической партии». Забудьте, такие **ТЯЖКИЕ ОБВИНЕНИЯ ПРИ ПОЛНОМ ЕДИНОДУШИИ**. Однако, неужели из сотен людей не нашлось ни одного человека, который был бы «против» или «воздержался» (хотя бы потому, что наверняка не ознакомился достаточно серьезно и внимательно с данным проектом)? Может ли взять каждый из сотен голосовавших на себя **ЛИЧНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ** за ту оценку, которая дана коллективно, всеми вместе? А те восемь рабочих **РАЗЛИЧНЫХ** предприятий, выразивших единодушное «рабочее мнение» («Вечерняя Одесса», 12 марта 1989 г.) и указавшие в своем заявлении в ЦК КПУ на то, что Народное движение уводит «на окольные пути **МИТИНГОВОЙ** демократии», откуда черпали информацию? Может ли **КАЖДЫЙ ИХ НИХ** объяснить, почему именно «митинговой», а не какой-то иной?

Ничего не найдя в проекте программы Народного движения о митингах, удивилась, прочитав в корреспонденции «Вечерней Одессы» об обсуждении проекта в Одесском горкоме КПУ: здесь уже представитель горкома КПУ говорит о том, что движение «**ПРИЗЫВАЕТ К МИТИНГАМ**» (?!). Члены пленума Суворовского райкома КПСС

принимают решение о том, что участие в Народном движении Украины несовместимо с пребыванием в партии.

Итак, по поводу основных, наиболее серьезных обвинений в адрес проекта и прежде всего его антиконституционном характере. Как пишет, например, доцент И. Крук, почему-то выступающий от имени обществоведов («Мы, обществоведы...»), «проект противоречит Конституциям СССР и УССР». В частности, конституционные положения об общенародной (государственной) собственности составители проекта подменяют идеей республиканской собственности». («Знамя коммунизма», 12.03. 1989 г.).

Ознакомившись с проектом (кстати, заполучить его — было не так-то просто даже мне) и сопоставив его с соответствующими статьями обеих Конституций (статьи 10.4.11 Конституции СССР и статьи 11 и 12 Конституции УССР), я пришла к выводу, что ничего антиконституционного проект Народного движения не содержит. В проекте говорится о необходимости «создавать условия для перехода от народовластия на словах к реальному полновластию народа» и что земля, полезные ископаемые и прочие ресурсы республики **«являются народной собственностью и использовать их общесоюзные и республиканские ведомства могут только с разрешения Верховного Совета и Правительства УССР»**. Как я понимаю, пафос проекта направлен против отождествления государственной собственности с общенародной и против произвола ведомств. Что касается «республиканской собственности», то она тоже может быть государственной, не будучи подлинно народной. Политическая грамотность и культура правосознания предполагает понимание этих вопросов.

Теперь о распространенном суждении (выраженном и в публикациях, и в обсуждении по местному телевидению, и в единодушных заявлениях и резолюциях о том, что сама идея народного движения несостоятельна, т. к. это некая параллельная программа, которая ставит движение над партией. При этом допускается элементарная алогичность: с одной стороны, утверждается, что проект — просто повторение того, что содержится в партийных документах (обвиняют даже в плагиате, который, как известно, является уголовно наказуемым деянием), с другой стороны, считают, что проект противоречит целям партии, что это — попытка создать организацию, «противостоящую деятельности партии» (с такой оценкой проекта, данной в резолюции XIII сессии Одесского областного Совета народных депутатов, солидаризируется и профессор Н. М. Якупов, считая, что де-

путаты, в данном случае, выступали от имени трудящихся Одесской области «Вечерняя Одесса», 11.03.89 г.).

С моей точки зрения, данное обвинение — совершенное недоразумение, основанное на непонимании сути решений XIX Всесоюзной партийной конференции и линии партии на всемерную демократизацию общества. Позволю себе напомнить, что в Резолюции конференции «О демократизации советского общества и реформе политической системы» указывается следующее: «Как позитивное явление следует рассматривать возникновение в последнее время ряда новых ассоциаций и объединений, ставящих своей целью содействие делу социалистического обновления». И далее обращается внимание на необходимость преодоления таких недостатков, как **«ослабление самодетельных начал»**, общественных движений, и на необходимость развития **«общенародного патриотического движения в поддержку линии на перестройку»**. С моей точки зрения, товарищи, выступающие против «самой идеи народного движения», не дали себе труда вдуматься в смысл резолюций XIX Всесоюзной партийной конференции.

Но зачем же нужно «что-то еще», если все уже было в партийных документах? Ответ на этот вопрос, как мне кажется, четко фиксирует основную слабость обсуждаемого проекта. Необходимо было четко и внятно сказать, против КОГО направлено народное движение, ДЛЯ ЧЕГО оно нужно. Оно направлено не против партии, а ПРОТИВ АНТИПЕРЕСТРОЕЧНЫХ СИЛ, которые имеются и в партии, а не вне ее. Достаточно грамотно и определенно на этот вопрос ответил профессор Е. Н. Присовский (увы, не обществовед, и не партийно-государственный деятель) при обсуждении проекта Народного движения по одесскому телевидению 11 марта 1989 г. Он отметил, что необходимость организации широкого неформального общественного движения является реакцией на то, что «перестройка идет трудно», что антиперестроечные силы переходят в наступление и сознательное противостояние (процитировал Ленина о том, что нужны люди, которые «ни слова не возьмут на веру»), и что такое движение — помощь партии в ее благородной борьбе.

Я считаю, что эта помощь может и должна осуществляться в самых различных направлениях, а общественное, самодетельное движение должно носить и политический характер, создавая некоторую принципиальную основу для различного рода конкретных движений, ибо враг в конечном счете у народа один — антиперестроечные силы, ядром которых являются функционеры командно-бюрократической,

аппаратной системы, которая еще живет и борется. Народное движение призвано, в частности, выполнять функцию **СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ** населения от антиперестроечных сил, ибо, как показывает жизнь (и свидетельствуют многочисленные публикации в прессе), имеющиеся в настоящее время общественные организации не выполняют эту функцию достаточно эффективно.

Одна из функций Народного движения за перестройку — **ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКСПЕРТИЗА** принимаемых управленческих решений. Одесситы хорошо знают, что это такое, ибо имеют опыт борьбы против строительства АЭС и Березовского химического комбината. Но общественная (независимая) экспертиза необходима не только по экологическим вопросам. Потребность в ней имеется и при принятии управленческих решений по целому ряду актуальных социальных и политических проблем. К этому уже в настоящее время можно сделать следующее добавление: не лишне вспомнить о тбилисских событиях и о решении населения обратиться именно к общественной экспертизе. Народное движение в поддержку перестройки не должно носить узкочастный характер, а должно охватывать широкий круг проблем, возникающих в различных сферах жизни общества и непременно в сфере политики.

Важной функцией является и функция **ОППОНИРОВАНИЯ** и **КОНТРОЛЯ** в процессе реализации управленческих решений. (Кстати, в некоторых городах, например, Харькове, Свердловске были созданы общественные комитеты по проведению выборов в Верховные Советы СССР.)

XIX Всесоюзная партийная конференция в Резолюции «О борьбе с бюрократизмом» подчеркнула «исключительную важность создания подчиненной выборным органам власти единой системы общественно-государственного контроля. Партийным организациям, — отмечается далее в Резолюции, — надлежит добиться, чтобы эта система опиралась на инициативу и активность народных масс, творческих, ветеранских и других самостоятельных общественных организаций, различных слоев и групп населения».

Как известно из публикаций и устных обсуждений проекта, идея контроля (ее квалифицируют как «контроль за партией») вызывает особые возражения. Но контроль «снизу», контроль общества за деятельностью государства — азбучная истина, условие функционирования правового государства. Мы очень долго втолковывали людям, что «мы — это государство», а «государство — это мы». Но это ото-

ждествление чревато серьезными социально-политическими последствиями, которые нам хорошо известны.

Популярные разъяснения по вопросу о взаимоотношениях гражданского общества и государства и контроля общественности за деятельностью государства в ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ содержится, например, в статье «Общество и государство» («Знание — сила», 1988, № 12).

В условиях однопартийной системы, когда партия является ядром политической системы общества, эти вопросы принимают особую остроту. Следует добавить еще, что специфика социально-политического развития нашей страны обусловила тот факт, что противостояние «низа» и «верха» — это не отношения «партия — народ», а противостояние командно-бюрократического аппарата партии, государства и ряда общественных организаций (ВЦСПС, ВЛКСМ и др.) всей остальной части населения. При этом, как известно, «верх» объединен, организован, располагает властью. А «низ», куда входят и рабочие, и крестьяне, и интеллигенция, русские и представители других национальностей, фактически разобщен и не представляет собой организованной силы. И именно партия, ее лучшая, самая передовая часть, возрождая ленинские принципы, указала нам направления борьбы, определила, против кого нужно бороться «снизу» и кого контролировать. Не менее важно понять также, что эта борьба с антиперестроечными силами должна быть сознательной и организованной, она должна объединять прогрессивные социальные группы и носить многонациональный характер. Именно это положение не нашло отражения в проекте программы Народного движения Украины.

Наиболее слабое его место — раздел «Национальный вопрос, язык, культура», особенно та его часть, которая касается украинского языка. Считаю, что в программе широкого, массового, социально-политического движения вопрос о языке вообще не должен занимать такого большого места. Проблема языка является сложной. Она требует серьезного изучения, глубокой проработки, проведения референдумов и опросов населения. Решаться она должна конкретно, применительно к различным регионам нашей многонациональной республики. Есть у нас в республике общество украинского языка им. Т. Г. Шевченко, которое и должно взять на себя эту сложную и благородную миссию.

Возвращаясь к проекту программы Народного движения, хочу подчеркнуть следующее: хотя программу в целом, по моему мнению,

нельзя считать националистической, именно в указанном разделе содержится ряд неопределенных и двусмысленных предложений, которые в процессе их реализации могут придать движению если не националистический, то, по меньшей мере, узконациональный характер, что, как мне кажется, ни в коем случае нельзя допускать.

Отдаю также себе отчет в том, что указанные издержки — в какой-то степени результат негибкой, не вполне продуманной национальной политики, которая дает себя знать в различных регионах страны.

Учитывая все эти обстоятельства, бюро Украинского отделения советской социологической ассоциации на своем заседании 17 марта 1989 г., поддержав идею формирования Народного движения Украины за перестройку, отметило необходимость существенной переработки представленного проекта программы. Переработка необходима прежде всего в направлении придания многонационального характера народному движению республики.

Бюро осудило нарушение демократических процедур обсуждения опубликованного проекта, а также обратило внимание на тот факт, что настоятельная потребность формирования широкого Народного движения обусловлена открытым и скрытым сопротивлением антидемократических сил, прежде всего в среде бюрократического аппарата партии, центральных и местных органов власти, фактами сопротивления и саботажа, блокирования реализации партийной программы.

*И. ПОЛОВА,
член Бюро Украинского отделения
Советской социологической ассоциации,
профессор*

О НРАВСТВЕННОСТИ (ВЫСТУПЛЕНИЕ НА КРУГЛОМ СТОЛЕ «ВЕЧЕРНЕЙ ОДЕССЫ» «ЧЕМ ПОМОЖЕМ ГОРБАЧЕВУ»)

— Хочу сказать вот о чем. По-моему, здесь отдельные товарищи просто лукавят. Ибо все мы видим, как по отношению к самодеятельным общественным организациям, и не только к Руху, используются совершенно безнравственные средства. Причем любые, начиная от клеветы, просто лжи... Вот эти публикации, одна из которых появилась вначале в «Чорноморській комуні», затем была перепечатана в «Знамени комунізму», а вторая — в «Вечерней Одессе»... Они совершенно безобразны! Там, к примеру, утверждается, что руховцы выступают за отделение Украины от СССР. Это ложь! И в таких случаях порядочные люди просто извиняются, если по какой-либо причине они ее допускают...

Используются различные, совершенно бессовестные действия, которые мешают, препятствуют работе. Вот здесь вы слышали, к чему нас призывают. Помочь ФРГ, Аргентине... Какая Аргентина, когда организации просто негде находиться! По-моему, для того, чтобы мы могли нормально работать, сотрудничать, нужно поставить нас хотя бы в такие же условия, как поставлены другие организации, то же общество «Украина».

Декларацию Одесской региональной организации НДУ газеты опубликовали. Где наша декларация? И в то же время ее оценивают, искажая. Это разве честно? Это просто безнравственно, непорядочно и т. д.

Трудно поверить в то, что делается это в благородных целях. Социологи, философы знают, что цель не оправдывает средства, и если используются совершенно безнравственные средства, то, как правило, там уже есть подмена целей. Там уже преследуются совершенно иные цели! Над этим нужно очень серьезно подумать.

Вот возьмите, как нас критикуют? В документах Руха, дескать, нет ничего противозаконного, но в подтексте просматривается, что они-таки за отделение. Где они это просматривают? Они, дескать, за захват власти мирным парламентским путем. Да. Мы за то, что-

бы передать власть Советам. Мирным парламентским путем! И если руководитель-идеолог против этого, тогда мне вообще ничего непонятно. И третье. «Они — за контроль партии и государства»... А это, между прочим, азбучная истина: общество должно контролировать государство, а тем более партию, а тем более в такой ситуации, когда партия у нас выполняет непосредственно властную функцию.

Парадокс заключается в том, что, перестраиваясь, партия должна бы добровольно передать из рук в руки свои функции Советам. Т. Крючков говорит, что он не против этого, но «Советы не готовы». Но чтобы научиться плавать, надо, наверное, войти в воду.

Поэтому, говоря сегодня о сотрудничестве, я считаю, что товарищи, которые к этому призывают, первое, что должны сделать, это поднять свой голос в нашу защиту, против тех, совершенно непорядочных методов, которыми с нами борются.

И последнее. Как философ, социолог, я хочу сказать: действительную ценность имеют именно самодеятельные общественные организации. Я на этом настаиваю. Именно самодеятельные! Не те, которые создаются по разнарядке, по указке. Именно самодеятельные организации побуждают к творчеству, рождают какие-то новые формы деятельности, которые и способствуют демократизации. И очень недальновидно, немудро ведут себя те, кто не понимает этой ценности самодеятельных движений. Потому что, во-первых, это не снимает существующую напряженность. Только загоняет ее вовнутрь, и тем самым обстановка обостряется. Во-вторых, мешают реализоваться широкому творчеству народных масс.

ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ — СОЦИОЛОГИЯ

Категорически возражаем против подобного анкетирования. («Мнения о выборах» — «Знамя коммунизма» за 13 февраля.) Анкета составлена и распространяется в целях не изучения, а извращения общественного мнения и дальнейшего манипулирования им. И только крайней политической безграмотностью и недальновидностью редакции можно объяснить ее публикацию в партийном органе.

Даже нам, людям с высшим политическим образованием, внимательно изучающим все проблемные публикации как «левой», так и «правой» прессы, трудно дать однозначный ответ на поставленные вопросы. Чего же ожидать от рядовых тружеников, в массе своей далеких от политики, уставших от забот и неразберихи последнего времени, не способных предугадать, «чем слово наше отзовется».

Не убеждают и ссылки на такие авторитеты, как «Огонек», «Комсомольская правда», «Известия» и др. Еще меньше доверия к автору идеи анкетирования Т. И. Заславской. В свое время она уже выдвинула теорию «бесперспективных деревень»!!!

А ведь в Москве уже многие поняли и четко определили, что Т. Заславская, Н. Шмелев и ряд других ученых являются идеологами не большинства простых трудящихся, а так называемых «четыре процентов биологически активных особей» — сверхбогатых представителей общества, в прошлом — дельцов теневой экономики, а сегодня — «советских компрадоров» [Анатолий Салуцкий], чьи интересы и выражают своими теориями и бурной псевдонаучной деятельностью эти «ученые».

Не мешало бы и нам, доверчивым провинциалам, разобраться в этом и не предоставлять партийные органы для публикаций буржуазного толка.

С уважением — читатели «Знамени коммунизма».

ПИСЬМО весьма любопытно: знамение времени. Два-три года назад сколько слов произносилось в пользу изучения общественного мнения!

Однако наши возможности для этого были весьма ограничены: отсутствовали профессиональные центры, которые работали бы на

уровне современной социологической науки. Но по мере того, как ширилось изучение общественного мнения, возрастало и неприятие получаемой информации, стремление умолчать о ней либо дискредитировать ее. Об этом свидетельствует и история ВЦИОМа.

В конце 1987 г. создается Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), руководителем которого становится академик Т. И. Заславская — человек независимых суждений, сторонник радикальных реформ. К этому времени Т. И. Заславская — один из признанных «прорабов» перестройки, ее охотно печатают в центральных газетах, она часто выступает по центральному телевидению.

В короткий срок в стране была организована опросная сеть, проведены десятки опросов населения по важнейшим проблемам: выборность руководителей, оплата труда, отношение к разным формам хозяйствования, межнациональные отношения и, наконец, отношение населения к институтам власти и к различным формам собственности — вот далеко не полный перечень всесоюзных опросов населения, проведенных ВЦИОМом за последние полтора-два года.

В жарких спорах сторонники того или иного пути развития ссылаются на «мнение народа», «простых людей», которые что-то примут, а другое непременно отвергнут. Но информации об общественном мнении, полученной научным способом, вроде бы и нет. Возьмем, например, данные об отношении населения к кооперации. Ведь они были получены задолго до того, как вопрос о кооперативном движении обсуждался в Верховном Совете!

В апреле 1989 г. в 41 городе страны было опрошено 3 тысячи человек. В результате были получены данные, которые являются представительными для городского населения страны в возрасте 16 лет и старше. Теперь мы можем сказать, какие группы, в каких регионах, по отношению к каким кооперативам относятся более благосклонно, а какие — менее. Оказывается, в целом сторонников кооперации в 1,5 раза больше, чем противников, и ни в одной группе, ни в одном регионе число противников не превышает числа сторонников. Странно, что выступающие от имени трудящихся руководители ВЦСПС не сочли необходимым сослаться на эти данные (ведь ВЦИОМ существует при ВЦСПС и Госкомтруда СССР)!

В ноябре 1989 г. ВЦИОМом проведен опрос об отношении к разным формам собственности. Результаты опроса теперь уже представительны не только для городского, но и для сельского населения.

Много интересных вопросов было задано: следует ли сейчас передавать землю в индивидуальное пользование и в каком порядке, какие виды хозяйств следует развивать в первую очередь и многие другие. Так, например, отвечая на последний вопрос, 67 процентов городского населения и 63 процента сельского выбрали новые виды хозяйствования — сельскохозяйственные кооперативы нового типа, аренду, фермерское хозяйство. Примечательно, что жители села почти в два раза чаще выбирали фермерские хозяйства по сравнению с колхозной формой. Когда познакомишься со всем богатейшим материалом, который «наработан» ВЦИОМом за относительно короткий срок, сожалешь о том, что он фактически никем не востребован и не известен широкому читателю.

Открывая специальную рубрику в журнале «Вопросы экономики» — «Экономика в зеркале общественного мнения», — академик Т. И. Заславская указывала на то, что одна из функций изучения общественного мнения — функция «зеркала», в котором общество и входящие в его состав группы могут «увидеть не только себя, но и противников, оценив справедливость своей позиции, прислушаться к аргументу других. Эта функция изучения общественного мнения непосредственно содействует росту сознания и социально-политической активности масс».

Но похоже, что наши оппоненты хотят видеть в этом зеркале лишь свое собственное отражение и не прочь выдать личные взгляды за «мнение народа». Да и хотим ли мы «растить сознание» и тем более развивать свою политическую активность? Вот и наши анонимные корреспонденты против «анкетирования», идею которого они приписывают Т. И. Заславской, тогда как во всех цивилизованных странах такие опросы начали проводиться десятки лет назад. У нас пока малы масштабы национальных опросов для такой огромной державы, как наша, но можно представить, с какими трудностями сталкивается ВЦИОМ для того, чтобы мы увидели себя в зеркале и поняли, какие мы.

По мере того, как ВЦИОМ набирал силу и становился поставщиком достоверной информации о мнении народа, возрастало недовольство этим. Все чаще появляются публикации о том, что не то изучают и не так, и вообще, как пишут анонимы, «извращают общественное мнение».

Конечно, поскольку опросы и анкетирование стали модой, ширились примитивные «исследования», множились доморощенные со-

циологи. Но почему-то не на них было направлено острие критики, а именно на тех, кто делает это профессионально.

Поток дезинформации и клеветы обрушился и на академика Т. И. Заславскую. Но не является Татьяна Ивановна автором теории «бесперспективных деревень», более того, она даже не ее сторонник. Академик Т. И. Заславская одна из первых серьезно заговорила о теневой экономике, о масштабах ее распространения в нашей стране, о ее связи с коррумпированной частью аппарата. Острая постановка проблем нашей экономики, характеристика крайней отсталости нашей социальной сферы содержались в ее закрытом докладе, подготовленном еще в 1977 г. (попавшем неведомым для нее образом в западную печать, за что она получила партийное взыскание).

Надуманые обвинения — это лишь предлог для того, чтобы подвести к выводу, который совершенно определенно формулируется в последних публичных выпадах против Т. И. Заславской: она не может руководить центром изучения общественного мнения. Авторы письма, «люди с высшим политическим образованием», солидаризируются с теми, кто в центре уже определил, что Заславская не является идеологом «большинства простых людей».

Я от своего собственного имени (а не от имени Советской социологической ассоциации, членом которой являюсь с момента ее основания в 1968 г.) не свидетельствую авторам письма своего уважения, хотя и не знаю, к кому обращаюсь: ведь письмо никем не подписано.

*И. ПОЛОВА,
профессор Одесского университета*

ЧТО Я МОГУ СДЕЛАТЬ ОДИН? (РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАШЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ЗРЕЛОСТИ)

Помню, в период «оттепели», в самом конце пятидесятых, в клубе гуманитарных факультетов МГУ ставился спектакль, где была такая сцена: человек, которого обвиняли в бездеятельности и попустительстве произволу, в ответ разводил руками, отвечая: «А что я могу сделать один?» Затем вбегал другой, произнося такую же фразу, затем третий и т. д. И вот уже вся сцена была заполнена выстроенными и марширующими людьми, скандировавшими «А-что-я-мо-гу-сде-лать-о-дин!».

Я часто вспоминаю эту сцену, размышляя над атмосферой, складывающейся в наших трудовых коллективах вообще, в нашем университетском сообществе, в частности. Конечно же, природа пассивности может быть различной: она не только опасение за потерю комфортности своей деятельности, опасения лишения тех или иных благ. Зачастую это и непонимание ситуации, невосприимчивость к попранию человеческого достоинства, безысходность, неверие в то, что можно что-то изменить. Но главное, по-моему, — это то, что Е. Евтушенко назвал очень емким словом «притерпелость».

Серьезно задуматься над тем, что есть наш коллектив, меня заставила история с уходом с поста ректора В. В. Сердюка. Сразу оговорюсь, что главное для меня тогда было — не столько личность ректора (прошлого или будущего), а то, что произвол вышестоящих инстанций не получил отпора со стороны коллектива. На партийном собрании 3 июня 1987 г. мне удалось настоять на своих предложениях, хотя в перерывах меня одолевали согласные и сочувствующие. Поразило и то, что собрание не реагировало на некорректное поведение президиума: не ставились на голосование предложения, имеющие принципиальное значение; не был оглашен именно тот вариант проекта постановления, который составлялся в ходе собрания комиссией и содержал конкретные предложения, вносимые коммунистами на собрании. И когда я как член комиссии попыталась довести этот факт до сведения собрания, никого это не заинтересовало: торопились — в этот день был футбольный матч.

Как сказала Т. А. Тарасенко (взявшая слово для справки): мы слишком беспечно, походя, решаем судьбу человека.

Тогда и задумалась: только эту ли судьбу походя решил наш коллектив? Осуждаю не тех, кто резко и открыто выступил тогда против В. В. Сердюка (разумеется, были и такие), а тех, кто поддерживал его («в душе»), но молчал, и тех, кто остался равнодушен, просто подняв руки, как «большинство». И собрание, и последующее заседание Ученого совета напомнили мне ситуацию «заклания», ибо в кулуарах объяснялось это так: начальство его категорически не хочет, ни ему, ни нам не дадут работать. Сколько таких «жертвоприношений» допустил наш коллектив? Во имя чего? Как и страна в целом — во имя «светлого будущего»?

Вспоминаю и выборы нового ректора. Освещенную сцену, куда по списку вызывались члены голосовавшего актива, и, взяв бюллетень с одной фамилией, на виду у всех опускали его в урну. В глубине сцены стояла кабина, куда практически никто не заходил, ибо каждый зашедший — это вроде бы голосующий против. Но почему мы не подумали о том, что следует все же непременно зайти в кабину из солидарности с теми, кто заходил бы проголосовать против.

Важно то, что никто тогда не возмущился этой явной процедурой «тайного» голосования, никто не протестовал против фарса на свободное волеизъявление. Тем более ясно, что это не нужно было и И. П. Зелинскому, т. к. он в любом случае набрал бы необходимое количество голосов. Думаю, что добротная демократическая процедура дала бы будущему ректору возможность получить реальную картину отношений и привязанностей, сформировать представление о том, какую часть «актива» ему еще предстоит завоевать.

А теперь о событиях более «свежих». На предвыборную конференцию университета (по выборам кандидатов в депутаты в Верховный Совет СССР) из 450 избранных не явилось свыше 150 человек. Причем свыше 50 из тех, кто отметился, не оказалось на месте. Естественно, тайным голосованием присутствующие не стали себя утруждать.

Что касается «тайного» ухода с «мероприятия» (зарегистрироваться и уйти), то эта особенность нашего поведения оказывается стойкой, воспроизводящейся в других условиях (на партийном собрании) и в другое время (через год с лишним после предвыборной конференции). Более ста человек (если не ошибаюсь), зарегистрировавшись, ушли с партийного собрания 27.IV.90 г. Что это — издержки демократии, свидетельство того, что люди распустились, хромает дисципли-

на? Сейчас много валят на демократию, как будто жесткая дисциплина и прежние репрессивные меры обеспечили нам процветание.

Думаю, что просто в условиях гласности и минимума демократии обнаружили наши старые болезни. Когда голосовали единогласно или почти единогласно, не было необходимости сверять списки присутствующих. Потому и не знали, сколько их находится на месте. А вот, когда стали считать «за» и «против», обнаружилось, что мы еще выдерживаем испытание гласностью. Каков же выход? Ужесточение дисциплины? По-моему, основной путь — создать такие условия деятельности, чтобы мы поверили, что от каждого из нас что-то зависит, что самостоятельность и инициатива поощряема, а не наказуема, что несовершенство мнений подчиненных и вышестоящих не чревато последствиями (разумеется, преимущественно для подчиненных).

Приведу еще пример, который свидетельствует скорее о нашей беспечности, непонимании всей остроты ситуации, в которой мы находимся. Выборщики от различных подразделений ровно за 5 минут решили вопрос о том, кому быть членами избирательных комиссий по выборам в республиканский и местные Советы, проголосовав за предложенный тов. Глебовым В. В. список из 11 человек. Ранее, когда были выборы без выбора, это не имело принципиального значения. А сейчас?

Неужели неясно, что честные, принципиальные люди на избирательных участках могли бы предотвратить те многочисленные нарушения, которые имели место и которые в условиях реальной расстановки сил такое значение имеют?

И все же мы мужаем и взрослеем. На партийном собрании 4 мая из зала уже поинтересовались, будут ли члены нашей партийной организации в окружных комиссиях по выборам делегатов на XXVIII съезд и если да, то кто они? Если бы были еще мудрее и организованнее, то еще ранее выяснили бы, какова процедура выбора вообще и почему о Положении о выборах, принятом обкомом КПУ, не проинформировали рядовых коммунистов. Собрание свидетельствует о том, что мы все же оживляемся и не остаемся безразличными к жизненно важным проблемам. Но объяснить, почему большинство было за открытое голосование, все же трудно. Тем более, что тайное было более разумным даже с точки зрения экономии времени (не говоря уже о принципиальных соображениях, которые были высказаны 27.IV А. А. Жаборюком). Определив кандидатов, можно было готовить бюллетени, не обсуждая их платформу. Это обсуждение целесо-

образно было совместить с обсуждением информации В. В. Анищука (в прениях в первую очередь и дать бы слово кандидатам и поспорить с ними). Какой инстинкт сработал при голосовании за «открытое»? Интересная вещь, открытое голосование; именно оно «выручало», когда выдвигали кандидатов в депутаты Советов различных уровней. Не случайно, наверное, в Советах самая большая группа в среднем эшелоне — директора заводов, фабрик и иных предприятий («АиФ», 1990, № 17, с. 2). Весьма деликатная ситуация для коллектива — голосовать открыто «за» или «против» своего руководителя. Да и за то, что противоречит официальной установке, что осуждается руководством различного рода, тоже не очень-то легко прилюдно поднять руку (дело опять-таки не в страхе, а просто в привычке, в «навыках», если хотите). А думаем мы все же не совсем так, как голосуем, — это показал самый элементарный опрос.

Хочу закончить тем, на что сослалась, давая себе самоотвод: судьба партии будет решаться не на XXVIII съезде КПСС, а в партийных организациях. Но это станет возможным лишь тогда, когда голосовать открыто будем так, как думаем.

Ирина ПОПОВА,
профессор

А ВЫ НАРОД СПРОСИЛИ? КАК ОТНОСЯТСЯ ОДЕССИТЫ К ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ПРОЧИМ АТТРИБУТАМ РЫНКА

«А вы народ спросили?» Эта сакраментальная фраза часто звучит с высоких трибун. И произносят ее для того, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что от имени народа могут говорить и действовать только они, сидящие в президиумах.

Между тем никто не интересовался мнением людей и уж тем более не собирался проводить опросов или референдумов. Да и сама социология как наука долгие годы была под запретом.

Только сейчас появилась возможность с помощью социологов узнать, что думают люди по поводу тех или иных фактов, как оценивают нашу действительность.

Сегодня на слуху у всех приватизация, частная собственность, предпринимательство, рынок. Об отношении одесситов к этим явлениям рассказывают исследования, проведенные социологами, и анкетное обследование, выполненное специалистами областного управления статистики.

Узнать настроения людей особенно важно сегодня, на переломном этапе, когда раздаются и ностальгические голоса, призывы чуть ли не с оружием в руках загнать страну снова в сталинско-брежневский ГУЛАГ.

Сельские жители настроены радикальнее

Косвенные свидетельства о позиции населения, связанной с экономической реформой, у одесских социологов имеются. В 1989 году и в первой половине 1990 года проведены несколько опросов на предприятиях Одессы, а также в Одесской области. Они, в частности, дают информацию об отношении к изменениям форм собственности, к различным принципам распределения. Причем опрашиваемые были собраны таким образом, чтобы можно было судить о той или иной категории населения.

Вот реакция на вопрос, поставленный в декабре 1989 года: «Как бы Вы голосовали, если бы проводился референдум?»

	Одесса, %	Др. города и пгт области, %	Села, %	Все, %
«Голосовали» "за" то, чтобы:				
ликвидировать монополию государства на средства производства (землю, природные ресурсы, предприятия и др.)	43	1	5	16
узаконить индивидуальную собственность на средства производства	49	19	26	34
предоставить равные права и возможности для развития разных форм собственности (государственной, коллективной, индивидуальной и др.)	75	67	57	67

Приводятся обобщенные показатели, которые рассматривались с учетом голосующих «за» и «против», что позволяет учитывать баланс. Показатель изменяется от 100 (все «за») до –100 (все «против»). <...> Такое отношение к формам собственности оказалось устойчивым, о чем свидетельствует опрос 1990 года. Людей не смутила и «частная собственность», которой пугают, а также и «наемный труд».

Вопрос следующий: «Как Вы оцениваете, с точки зрения социальной справедливости, предложения?»:

	Одесса	Др. города и пгт области	Села	Все
Узаконить частную собственность	51	27	47	45
Разрешить наемный труд на частных и кооперативных предприятиях	27	0	-8	10

Заметим, что в отношении к частной собственности жители села оказались более радикальными, чем горожане. Желание узаконить ее у «молодых» (до 29 лет) почти в три раза превышает аналогичный показатель пожилых жителей области.

Увеличилась доля высказавшихся в селе за равные права и возможности в развитии разных форм собственности.

И еще один опрос. Обобщенные показатели:

	Май – сентябрь 1989 г. Население Одессы	Декабрь 1989 г. На- селение области	Апрель 1990 г. Населе- ние области
Обеспечение условий для реализации способностей	67	Вопрос не ста- вился	82
Зависимость благосостояния только от трудового вклада (различия могут быть существенными)	49	45	60
Предоставление всем гарантированного минимума (независимо от трудового вклада)	16	44	30
Не должно быть существенного различия в уровне жизни	1	-30	-31

Как видим, миф об уравнилельных настроениях несостоятелен. Добавим, что в апреле 1990 года лишь 21 % опрошенных был за то, чтобы установить потолок заработной платы, и только 39 % высказались за денежную реформу. Причем у жителей села эти акции оказались менее популярными. Обращает на себя внимание ориентированность на условия для реализации способностей и на зависимость благосостояния от трудового вклада.

Можно сделать любопытное заключение: типично «социалистические» представления («от каждого по способностям — каждому по труду») вполне согласуются в сознании населения с теми преобразованиями собственности, которые некоторые «защитники» социализма считают капиталистическими, противоречащими сути социализма и антинародными.

Ирина ПОПОВА,
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
Одесского госуниверситета

ОПЫТ И ИСТОРИЯ УЧАТ

«...Народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее», — так считал известный философ, великий мыслитель Гегель. Что же можно извлечь из истории? Что извлекали мы из нее последние пять лет? Вспоминали, а чаще всего узнавали то, о чем страшно думать, что давит тяжелым грузом и заставляет задавать себе один и тот же вопрос: в чем вина каждого из нас за то, что произошло? Какая доля ответственности лежит на том или ином поколении и можно ли говорить об ответственности поколения, или правильнее о личной ответственности, всех и каждого, но в разной степени?

Все эти вопросы снова и снова задаешь себе, узнав о том, что происходит в Литве после сообщения о событиях 13 января.

Трудно разобраться в хитросплетениях политики. Не берусь оценивать расстановку сил в Прибалтийском регионе, не считаю возможным осуждать или оправдывать «националистов», либо «интернационалистов». Ни склад мышления, ни характер, ни жизненный опыт, ни ошибки, которые допускала и ранее, и в самое последнее время, не дают мне право давать такие оценки. Об одном лишь могу сказать определенно и хочу этой мыслью поделиться со всеми. Хочу обратиться ко всем консерваторам и радикалам, левым и правым, ветеранам и вступающим в жизнь, романтикам-коммунистам и коммунистам-циникам. Главный нравственный урок истории — тот, чему он все же нас научил: цель не оправдывает средства. Более того, именно используемые средства характеризуют подлинную цель наших действий! Причем значительно больше, чем то, что мы провозглашаем, в чем каемся, к чему призываем. Это простой и доступный всем нам ориентир во всех превратностях жизни.

Насилие и кровь в Литве — наш позор. И не надо лгать себе и другим, что это было необходимо. Можно ли разобраться, чей выстрел был первым? Да и нужно ли это делать? Лучше спросить с того, кто распорядился ввести войска до того, как стреляли, тогда, когда еще политическая борьба была бескровной. Ведь когда въезжали на танках и бронетранспортерах, когда занимали телеграф и т. д. (по просьбе пожелавшего остаться неизвестным руководства Комитета

национального спасения), разве тогда не понимали, что это война? А «на войне, — поется в песне Булата Окуджавы, — как известно, стреляют».

Часто пугали нас экстремизмом, не разъясняя, что это такое, а зачастую ставя знак равенства между радикалом и экстремистом.

Во всех наших бурных событиях последних лет с подлинным экстремизмом (насилованным, вооруженным захватом власти) мы фактически не сталкивались. Действия «Комитета национального спасения» в Литве, с моей точки зрения, это первое проявление классического экстремизма. Первое и, дай Бог, чтобы оно было последним.

Но мучает меня другое: все мы, простые люди (не политики), занятые добыванием продуктов, лелеющие своих детей и внуков, заботящиеся о своих близких, стремящиеся хоть как-то сносно обустроить наш тяжелый быт, — словом, те, кого называют (совсем небранно) «обыватель», неужели же опять промолчим? Неужели не закричим во весь голос, что так больше нельзя? Неужели опять стерпим?! Неужели?!

*И. ПОПОВА,
профессор*

СОЦИОЛОГИ СОМНЕВАЮТСЯ

В январе прошел первый съезд социологов страны. Вопрос о предстоящем референдуме был среди проблем, которые обсуждали съехавшиеся в Москву специалисты.

Они, в частности, обратили внимание на формулировку вопроса, который предлагается внести в бюллетень для голосования: «Считаете ли вы необходимым сохранение СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

С точки зрения профессионалов, населению таким образом предлагается высказаться сразу по трем пунктам: стоит ли входить республике в состав СССР; быть ли Союзу федерацией; каково отношение к гарантированию прав и свобод.

Такой выбор может поставить в трудное положение голосующего. Скажем, человек выступает за сохранение Союза, но лишь на конфедеративной основе. Возможны и другие варианты.

Предложенная формулировка, считают социологи, некорректна: результаты референдума могут не дать надежной информации о позиции населения.

Съезд порекомендовал Верховному Совету СССР при подготовке референдума обратиться к социологической экспертизе и в надежде на заинтересованность создал даже экспертную комиссию.

И. ПОПОВА,
доктор философских наук

КОМУ РЕАЛЬНО ПРИНАДЛЕЖИТ ВЛАСТЬ И КТО НА ДЕЛЕ ЗАЩИЩАЕТ ИНТЕРЕСЫ НАРОДА

ТАКИЕ вопросы были заданы населению Одесской области при проведении опроса социологическим информационно-исследовательским центром «Пульс» (апрель 1991 г.). Аналогичные вопросы задавались в январе 1990 г. научными сотрудниками социологической группы кафедры философии гуманитарных факультетов ОГУ, когда проводились опросы в ходе избирательной кампании. Итак, как изменились представления населения области по поводу власти.

Кому реально принадлежит власть в Вашем городе (поселке, селе) (в проц.)

<i>Реальная власть принадлежит</i>	Январь 1990 г. (население в целом)				Апрель 1991 г. (население в целом)			
	Область	Одесса	Др. города, пгт	Село	Область	Одесса	Др. города, пгт	Село
Партийным органам (КПСС)	37	49	49	16	27	39	28	12
Советам	21	7	23	36	31	18	38	41
Руководителям предприятий (колхозов, совхозов)	25	12	17	45	14	5	7	13
Дельцам, представителям теневой экономики	12	23	7	2	17	25	15	5

Как видим, в целом у населения сложилось впечатление, что большей, чем ранее, властью стали обладать Советы (+10 проц.) и дельцы, представители теневой экономики (+ 5 проц.); меньшей — партийные органы (–10 проц.) и руководители предприятий (–11 проц.).

При этом в представлениях жителей Одессы сокращается различие между объемом власти, которая принадлежит Советам и партийным органам, но все же большая власть по-прежнему принадлежит последним. По мнению же населения других городов и поселков городского типа, Советы стали обладать большей властью, чем партийные

органы. В селе подтвердили приоритет Советов (в сравнении с партийными органами). Главное же состоит в том, что увеличение власти Советов, по мнению селян, сопровождается уменьшением власти руководителей предприятий (колхозов, совхозов), Именно последние в январе 1990 г. в представлениях сельского населения обладали в наибольшей степени властью, теперь же их опередили Советы. Что касается дельцов теневой экономики, то увеличение их власти признается и в целом по области, и в поселениях всех типов, но особенно (в 2 раза больше) в городах и пгт.

РАЗЛИЧАЮТСЯ ли мнения по поводу реальной власти у разных групп населения? Да, они есть. Например, те, кто имеет неполное среднее образование, считают, что реальная власть скорее находится у Советов, чем у партийных органов (здесь тех, кто указал на Советы, на 20 проц. больше, чем тех, кто считает, что власть принадлежит партийным органам). Люди с высшим образованием больше склонны считать, что реальная власть — у партийных органов (таких на 20 проц. больше, чем тех, кто указал на Советы).

Интересно сопоставить мнения работников в зависимости от того, где они трудятся. Почти полностью, например, совпадает мнение тех, кто трудится на государственных предприятиях и в кооперативах: на реальную власть Советов, партийных органов и «теневой» экономики соответственно указали 28 проц., 34 и 35 проц., 17 и 16 проц. тех и других (работающих на государственных предприятиях и в кооперативах).

Явно выделяется мнение работников колхозов и совхозов. Они, во-первых, признают «приоритет» Советов (в сравнении с партийными органами) и, во-вторых, в меньшей степени склонны признавать наличие реальной власти у теневой экономики (соответственно 40 проц., 10 проц. и 6 проц.).

Рабочие, ИТР — производственники и «гуманитарная» интеллигенция «приоритет» отдают партийным органам. Интересно, что наибольшее сходство по поводу власти у Советов, партийных органов и «теневой» экономики наблюдается у рабочих и «гуманитарной» интеллигенции (27 и 23 проц., 36 и 39 проц., 17 и 13 проц.). Несколько отличается мнение ИТР-производственников, «перераспределяясь» от Советов в сторону «теневиков» (18 проц., 37 проц., 27 проц.). У рядовых работников сферы обслуживания и служащих (работников неквалифицированного умственного труда) мнения по поводу Советов и парторганов практически совпадают (распределяются равномерно).

Сходство в оценках соотношения реальной власти у Советов и партийных органов, где первые имеют большую власть, наблюдается у работников колхозов и совхозов, у руководителей предприятий и у работников партийно-советского аппарата, Отличаются мнения представителей этих групп по поводу реальной власти «теневой» экономики: первые (работники колхозов и совхозов) в значительно меньшей степени, чем вторые и третьи, признают наличие реальной власти у «теневиков».

Более глубокий анализ ответов показывает: чем более радикально настроены опрошенные, чем более критичны они в оценке действительности, тем в большей степени они считают, что власть принадлежит партийным органам. Те же, кто преимущественно за «порядок» и «дисциплину», и те, для которых в большей степени характерны уравнилельные представления (чтобы не было существенных различий в благосостоянии людей), в меньшей степени признают наличие власти у партийных органов. Что же касается мнений о реальной власти Советов, то они практически не связаны со степенью радикальности и критичности опрошенных.

А ТЕПЕРЬ о том, кто, по мнению населения, защищает интересы народа.

В апреле 1990 г. 25 проц. опрошенных (представляющих избирателей области), считали, что новые Советы будут последовательно защищать интересы своих избирателей (в Одессе — 21 проц., в городах области и пгт — 19 проц., в селе — 35 проц.). По-видимому, надежды избирателей не вполне оправдались.

Кто сейчас на деле защищает интересы народа (проц.)

	Население в целом			
	Область	Одесса	Др. города, пгт	Село
КПСС	4	3	9	4
Новые партии и движения	2	3	3	0
Верховный Совет и правительство СССР	3	1	3	6
Верховный Совет и правительство УССР	6	5	5	6
Местные Советы	7	4	9	9
Профсоюзы	2	5	5	2
Руководители предприятий	3	1	3	6
Никто	70	78	61	65

Здесь, несомненно, обращает на себя внимание прежде всего то, что явное большинство (особенно в Одессе) опрошенных считает, что их интересы никто не защищает, В неприглядном свете выглядят и профсоюзы, для которых «защита интересов народа» — основное предназначение.

Приведем также некоторые данные, характеризующие особенности ответов на этот вопрос:

— те, кто собирается активно протестовать против предпринятого апрельского повышения цен (предполагает участие в митингах, демонстрациях и др.), чаще, чем те, кто этого не собирается делать, отвечали, что никто их интересы не защищает;

— позицию «никто не защищает» несколько чаще выбирают опрошенные, возраст которых до 50 лет, и те, кто имеет высшее образование;

— существует связь настроений людей с мнением о том, защищает ли кто-либо их интересы. Так, из тех, кто не уверен в завтрашнем дне, 77 проц. считает, что никто их интересы не защищает, а среди «уверенных» таких только 45 проц. Если учесть, что число неуверенных в завтрашнем дне среди населения нашей области неуклонно возрастает (см. «Знамя коммунизма», 18 мая 1991 г.), можно предположить, что возрастает и чувство незащищенности людей, неверие в то, что имеются государственные или общественные структуры, которым безразличны интересы наших сограждан.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИОЛОГА

Опять взывают к народу, и опять для того, чтобы оправдать насилие. И опять опыт и история нас ничему не учат. Обращаются к народу.. и от имени народа (вдумаемся, какая бессмыслица!) взывают, бичуют и обещают многое: накормить, защитить обездоленных, пресечь разгул преступности, остановить кровопролитие в межнациональных конфликтах. Все это нужно, мы все этого хотим, мы устали ждать. Но **кто** обещает? Какие люди и какие структуры они представляют? Кабинет министров (Павлов), который цены повышал; МВД и КГБ (Пуго и Крючков), кто должен был бороться с преступностью; Министерство обороны (Язов), которое (как и КГБ и МВД) уже «предотвращало» межнациональные конфликты. Можно ли им верить? И можно ли принять те средства, которые используются, чтобы восстановить мир и порядок?

Ясно, что это военный переворот, и от нас всех зависит, удастся ли эта незаконная, неконституционная акция.

Мы должны помнить: обещания, которые новаявластная власть дает, — не новы. Не одно десятилетие нам это обещали. Но эти обещания невыполнимы. Чудо не произойдет, потому что средства достижения цели не годятся.

Считаю, что единственным верным ответом этой преступной акции является ненасильственное гражданское неповиновение самозванной власти. Надеюсь, что наши мужья и братья, сыновья и внуки не будут участвовать в арестах, стрелять в свой народ, не будут предавать себя и свое будущее.

И. ПОПОВА,
профессор, доктор философских наук.

ВЛАСТЬ И НАРОД. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

ПЕРЕДАВ 19 августа свое заявление в редакцию относительно переворота, я не знала, что оно будет озаглавлено «Точка зрения социолога» («ЗК» от 20 августа). Конечно же, заявление это не содержало в себе ни социологического, ни вообще какого бы то ни было анализа. Это была непосредственная реакция гражданина. переживающего происходящее. Мне хотелось сказать моим соотечественникам, что я думаю об этой акции сразу же, по «свежим следам», не ожидая, что там еще будет, и не думая о последствиях такого шага.

Однако то название, которое дали публикации, обязывает продолжить разговор и поделиться своими размышлениями уже как социолога.

Тем более, и возможностей для этого сейчас больше. Мне кажется, что я имею для этого моральное право, т. к. прежняя публикация — доказательство того, что размышления не конъюнктурны.

Остановлюсь лишь на одной проблеме — отношения власти и народа. При этом выделю в ней вопросы нравственной оценки и интеллектуального уровня представителей власти, ее осуществляющих.

В свое время (в декабре 1989 г.) несколько неожиданными явились для нас результаты опроса населения Одесской области, проведенного в преддверии выборов в Верховный Совет республики и местные Советы народных депутатов. На вопрос «Какие качества прежде всего необходимы народным депутатам» — в шесть раз чаще, чем на профессионализм и компетентность, указывали на «моральные качества». В сознании населения «моральные качества» шли впереди даже таких, казалось бы, крайне важных для лидера характеристик, как «идейность», «убежденность».

Как показал другой опрос (проведенный примерно в то же время на предприятии г. Одессы), понятие справедливости трудящиеся в большей степени связывают с соответствием общечеловеческой морали, нравственности, чем с соблюдением законов.

Не буду вдаваться в теоретические споры относительно взаимоотношения морали и политики. По данному вопросу спорят уже давно

и практически бесплодно. Еще в XVIII в., например, Берлинская академия обсуждала вопрос «Полезно ли для народа обманывать его — либо вводя в заблуждение, либо оставляя при ошибочных заблуждениях?».

Известно, однако, что нравственные критерии — наиболее непосредственные и весьма эффективные ориентиры не только нашей повседневной жизни, но и нашего отношения к власти и политикам различного ранга. Успех и неуспех последних в значительной степени зависит от способности вызвать доверие у населения.

Трудно порой разобраться в сути многообразных программ и политических позиций. Здравомыслие населения основано скорее на самых простых и доступных всем представлениях о лжи и лицемерии, порядочности и подлости — на том, что теоретики называют «простыми нормами нравственности». Попробуем оценить с позиций этих «простых норм» то, что происходило 19–21 августа, и то, что за этим последовало. При этом можно на некоторое время оставить в стороне идейную позицию сторонников переворота и оценку законности данных акций. Ведь и в массовом сознании содержится предостережение о том, что незаконное может быть нравственным и, наоборот, нравственная акция может не соответствовать закону.

Документы, которые успел обнародовать ГКЧП (обращение и постановления), выступления членов этого комитета — образцы фальши и лицемерия, бессовестной демагогии, циничного обмана, расчета на то, что народ наш глуп и примитивен. Подчеркну, однако, что ложь для этих людей («комитетчиков») не чрезвычайная акция, обусловленная чрезвычайностью положения, она для них норма. Все эти деятели уже «засветились» ранее и не случайно были крайне непопулярны среди населения (рейтинги наглядно об этом свидетельствуют).

Сейчас в ходе расследования иногда выделяют Язова, как самого «совестливого» из них. Но я вспоминаю, как возмутило поведение министра обороны Язова, когда на встрече с военными журналистами он начисто отрицал наличие «дедовщины» в армии, клеймил обращавшихся к нему матерей погибших солдат за то, что воспитывают слюнтяев и белоручек. Через некоторое время этот же Язов вынужден был говорить о необходимости преодоления неуставных взаимоотношений. О Павлове я уже не пишу. Скажу лишь, что восстановил он население против себя не тем, что вынужден был осуществлять «непопулярные меры», а тем, что при этом цинично обманывал людей.

Не помню, но кто-то сказал недавно, что одна из примет нашего времени (имелись в виду последние годы) состоит в том, что облеченные властью люди постоянно лгут, противореча фактам и своим собственным убеждениям. Думаю, что до сих пор лгали не меньше, хотя более последовательно. Мы, однако, не воспринимали это как ложь потому, что не знали многих фактов.

Не последнюю роль играет особенность нынешней ситуации: народ сейчас (об этом сказал недавно известный экономист Г. Явлинский), как «обнаженный нерв», особенно болезненно реагирует на любую фальшь и неискренность. Элементарная честность и открытость представителей власти (по крайней мере сейчас) — необходимое условие доверия и терпимости.

Итак, оценивая произошедший переворот, я хотела бы прежде всего указать на то, что совершался он безнравственными людьми, использующими не только имеющиеся в их распоряжении средства насилия, но и примитивную ложь, унижающую наших соотечественников. Считаю, что это определяет и нравственный облик тех, кто открыто или скрыто одобрял эту акцию. Где же была их нравственная интуиция, что подсказала им их совесть? Я допускаю, что можно быть субъективно порядочным, честным человеком и быть сторонником «твердой руки», введения чрезвычайного положения и изменения власти (разумеется, во имя Отечества!). Сомневаюсь, однако, что человек, обладающий по меньшей мере элементарной нравственной интуицией (что даст возможность различать «добро» и «зло»), мог одобрить такой переворот.

Но как оценить выжидательную позицию нашего республиканского и местного руководства? По-моему, она была беспринципной и трусливой, а следовательно — безнравственной. Вполне солидарна с той оценкой, которая была дана областному руководству депутатом В. В. Тимофеенко («ЗК» от 6 сентября). Беспринципность и позиции Л. М. Кравчука, и позиции Р. Б. Боделана состоит не в том, что они призывали к спокойствию, а не к митингам и забастовкам. Она (беспринципность, а потому — безнравственность) состоит в другом: как можно было умудриться в таких пространных заявлениях вообще не дать оценки этой политической акции?! По словам Р. Б. Боделана, «уже 20 августа, на следующий день после объявления о создании ГКЧП... наш Совет, его председатель, президиум решительно и принципиально высказывались за оценку действий ГКЧП». Да не высказываться за оценку нужно было 20-го, а «решительно и прин-

ципиально» ее дать. Ну а как оценить такой пассаж из выступления по телевидению 19 августа Л. М. Кравчука: «Хочу вас проинформировать, что сейчас в республике трудовой и политический пульс жизни бьется в соответствии с ситуацией, но он не хуже (?!), чем был, скажем, в последнее время» (?!). Нет, Леонид Макарович, пульс у ваших соотечественников бился в эти дни более учащенно (уж не знаю, хуже это или лучше) и они ждали, что вы займете более определенную позицию. И поможете определиться им.

Думаю, что эта неопределенность и двусмысленность продиктованы отнюдь не заботой руководителей о своих соотечественниках. Просто первые боялись за свою судьбу, а потому выжидали и лавировали. Согласно с мнением В. В. Тимофеенко, что двусмысленные заявления наших официальных лидеров на самом деле оставляли граждан «беззащитными, демобилизованными перед возможными акциями со стороны сил, подчиняющихся путчистам». Добавлю, что двусмысленность давала руководству шанс в случае победы ГКЧП остаться «на плаву», продолжать избранную линию поведения, вполне устраивающую путчистов (обеспечивать спокойствие, поддерживать устанавливаемый диктатурой порядок). В случае же поражения путчистов эта же двусмысленность могла использоваться как оружие защиты от обвинений в поддержке преступников. Что, как мы видим, и делается.

Последующие события, запоздалое рвение, с каким после 21-го августа осуждался переворот, дотошность, с какой наше официальное республиканское и местное руководство выискивало у себя признаки мужественности и непреклонности произвели особенно неприятное впечатление. Много нового и любопытного мы узнаем. Оказывается, Л. М. Кравчук 19-го совершил мужественный поступок — вышел из рядов КПСС. Жаль только, что его соотечественники узнали об этом значительно позже, хотя ясно, что событие это для политического деятеля такого масштаба не есть просто факт личной биографии. Хорошо помню, например, то недоумение, которое возникло в связи с сопоставлением информации, переданной по радиостанции «Свобода» о поддержке Л. М. Кравчуком Б. Н. Ельцина (которая выражалась последнему лично, по телефону), с публичными заявлениями Л. М. Кравчука. Все это сбивало с толку, порождало чувство неопределенности и зыбкости того самого спокойствия, к которому призывали.

Нельзя умолчать также о сообщении Л. М. Кравчука на сессии Верховного Совета УССР о беседе с генералом Варенниковым

(единственным свидетелем беседы был секретарь ЦК КПУ Гуренко). Известие о непреклонности в данной ситуации Л. М. Кравчука настолько возбудило депутатов, что один из них даже спросил, а почему же Л. М. Кравчук не арестовал генерала Варенникова? Но когда возбуждение депутатов дошло совсем до опасного предела, обсуждение мгновенно было переведено в нужное русло: Л. М. Кравчук внес предложение об Акте независимости Украины. Тут уже не время было вспоминать о прошлом, нужно было ликовать по поводу будущего.

Оказывается, мужественно вели себя и наши местные руководители. Из доклада Р. Б. Боделана мы узнали, что он принял решение «не дублировать в районные и городские партийные организации документы ЦК КПСС и ЦК КПУ, призывающие к поддержке ГКЧП». Только как же содержание этих документов стало известно в райкомах, где инструктировались секретари парторганизаций (об этом сообщалось в местной прессе)? По собственной ли инициативе секретарь горкома КПУ В. Я. Хмельнюк агитировал за поддержку ГКЧП или только служил «передаточным звеном»? Ни одна парторганизация КПУ (того или иного уровня) на Одещине не сделала в первые три дня путча публичное заявление. Разве это не проявление беспринципности и трусости? Почему бы заявление обкома КПУ к коммунистам области, в котором указывается, что Секретариат и Политбюро ЦК КПСС дезориентировали партийные комитеты, всех коммунистов, обнародовать не 23 августа, а ранее, скажем, 20-го?

Иногда говорят, что не знали точно, какова позиция Генсека — М. С. Горбачева. Но если бы даже стало известно, что «каша заварена» им самим, либо была бы установлена его непосредственная причастность к событиям, разве акция эта перестала бы быть аморальной? Думаю, наоборот, степень нравственного падения власти в этом случае значительно бы возросла.

Иначе повели себя молодые, неокрепшие партии и движения (ведь не побоялись же!). Вошедшие, например, в блок «Демократическая Одесса» сделали свое публичное заявление 19-го и квалифицировали заявление ГКЧП как антиконституционный переворот, как попытку установить диктатуру («ЗК» от 20 августа 1991 г.). Решительно повели себя и лидеры Народной Рады. Член Президиума Верховного Совета СССР И. Юхновский, побывавший недавно в Одессе как кандидат в Президенты Украины, в первый же день переворота на заседании Президиума дал четкую, резко отрицательную оценку перевороту. По радиостанции «Свобода» было передано выступление на митин-

ге В. Чорновила (в настоящее время тоже кандидата в Президенты), который 20-го публично осудил выжидательную позицию украинского руководства, оценив ее как беспринципную и неупорядоченную. Такая позиция, по мнению В. Черновила, является унижительной для народа Украины, ибо она означает, что мы прячемся за спины «московских парней», которые, подставляя себя под танки, завоевывают свою и нашу свободу.

Нужно сказать, что поведение тех или иных лидеров в период 19–21-го не было неожиданным и непредсказуемым. Говорят, что война есть продолжение политики, но иными средствами. Всякое же ЧП есть продолжение линии поведения, обнаружение нравственной позиции, морального облика, сформировавшегося задолго «до того». Действительно, можно привести множество примеров из деятельности республиканского и местного руководства (хотя бы — из истории их взаимоотношений с «так называемыми демократами», о чем полезно было бы поведать людям особо), чтобы понять: двусмысленность и беспринципность появились не вдруг, а являются неотъемлемыми качествами нашего руководства.

Случайно ли, отвечая на вопрос «Кто из партийных, советских и общественных деятелей Одесщины в наибольшей степени соответствует Вашему представлению о хорошем руководителе», земляки наши практически не могли назвать таких. Лишь 2 процента опрошенных назвали фамилии, и ни одна из них не повторилась более трех раз! Не связано ли это с дефицитом нравственных качеств?

СЕЙЧАС сторонники переворота и симпатизирующие ему, сокрушаясь, что акция не удалась, ищут причину неудачи в чем угодно — в нерешительности, в неумении и пр. Главный же просчет путчистов (а также тех, кто их поддержал, и тех, кто выжидал, гадая, чем все это кончится) состоит, как мне кажется, в непонимании того самого народа, от имени которого постоянно выступают, на интересы которого сылаются.

Социологам, например, известно, что население в целом занимает более радикальные позиции (особенно по социально-экономическим вопросам — проблемам собственности, приватизации, предпринимательской деятельности, фермерства и т. д.), чем партийно-советское руководство. Взгляды последнего близки к взглядам относительно консервативной части населения: людей, как правило, с более низким уровнем образования, самых пожилых, сельских жителей. Думаю, что уместно в связи с этим привести следующую выдержку из днев-

ника академика В. И. Вернадского, относящуюся к 1941 г.: «Крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее культурности: средний уровень коммунистов — и морально, и интеллектуально — ниже среднего уровня беспартийных». Нужно сказать, что в последующие годы этот разрыв не уменьшился, а возрос. Речь, конечно же, идет здесь не о рядовых коммунистах, а о тех, которые являются элементами властных структур и организаций, к ним примыкающих.

Действительно, различие в социально-политических представлениях коммунистов и беспартийных, как это обнаруживается в опросах, не столь значительно, как различие во взглядах партийно-советского и даже хозяйственного руководства (так называемой «номенклатуры») и всей остальной частью населения. Последнее обстоятельство с большей или меньшей ясностью осознает и само население. Отвечая, например, в марте 1991 г. на вопрос «Существует ли, по Вашему мнению, напряженность в отношениях между разными группами, слоями населения» жители Одесской области прежде всего указывали на отношения между правительством и гражданами (70 процентов) и руководителями и подчиненными (63 процента). В меньшей степени признавалось наличие напряженности между людьми разных национальностей (41 процент), между горожанами и крестьянами (38 процентов).

Так и хочется охарактеризовать номенклатурную касту словами непопулярного сейчас В. И. Ленина, предназначавшимися им декабристам: «Страшно далеки они от народа». Причина этой удаленности, как мне кажется, состоит не только в том, что система в течение десятков лет осуществляла отбор людей, поднимающихся на различные ступеньки власти по определенным нравственным и интеллектуальным качествам. Не менее важно и то, что в этом замкнутом круге циркулировала определенная информация, распространяемая по закрытым каналам «сверху донизу» (замыкаясь на «гвардии рядовых» — секретарях парткомов). Секретные письма и инструкции (наподобие пресловутой шифрограммы путчистских времен) в силу своей особой доверительности, принадлежности якобы к государственной тайне, рождали чувство исключительности, мнимое всезнание, ложное понимание того, что, казалось бы, не может быть понято другими, выходящими за пределы этого замкнутого круга. Работала система дезинформации и самооболванивания. Формировался свой особый язык, посредством которого обозначалось все происходящее. Беседуя с людьми, находящимися на разных уровнях номенклатурной систе-

мы, я без труда обнаруживала совершенно одинаковые стереотипы, сходные языковые клише, шаблонные представления, затасканные, давно развенчанные образы. Я знаю вроде бы неглупых и вполне порядочных людей, которые, попадая в эту структуру, перемальвались, как в мясорубке, и теряли элементарное чувство здравого смысла.

Какое-то перевернутое, зашоренное сознание служило своеобразным обоснованием неэффективной и безнравственной деятельности. Секретарь одного из райкомов КПУ доказывала, например, мне, что если бы не попукание со стороны партии, люди вообще ничего бы не делали, ибо ничего делать не хотят. В то же время всякие акции и движения, не спроектированные в партийных кабинетах и рожденные по инициативе снизу, встречали враждебное отношение, обзывались экстремизмом и сопровождалась активными и безнравственными противодействиями.

Думаю, что в основе всего этого — неуважение к людям, недоверие к народу, неверие в то, что он способен на созидательную деятельность. Недоверие, кстати, не так уж беспочвенно, ибо значительная часть населения, имея достаточно радикальные представления, не спешит реализовать их в действиях. В какой-то степени парализует людей страх перед сильными мира сего — тяжелое наследие прошлого. Страх наш многолик. Мы боимся тоталитаризма, сейчас — национализма. Боимся попадать в «немилость» к администрации, потерять работу. Боимся провокаций (и не без основания!) и даже арестов в случае возврата к прошлому.

Моя коллега, например, исключительно порядочный и честный человек, умеющая отстаивать свою позицию, призналась мне: «Я бы не смогла выразить протест против переворота в одиночку (она имела в виду персональное заявление в печати. — *И. П.*). На баррикады со всеми вместе бы пошла, а в одиночку — нет. Страшно боюсь ареста». Мы до сих пор боимся встать и прилюдно, открыто сказать о своей позиции, не решаемся проголосовать против, если голосование не анонимно. Помню, например, что проведя анонимный опрос на партийном собрании, проходившем в преддверии XXVIII съезда КПСС, мы убедились, что большинство (от 70 до 80 процентов) присутствовавших на собрании поддерживали основные положения «Демократической платформы». Но открыто выражали свою поддержку немногие. А не эту же природу имеет такой факт: анонимный опрос депутатов облсовета, проведенный перед чрезвычайной сессией, показал, что 43 процента депутатов (при том, что 38 процентов его со-

става — номенклатура) не одобряют позицию, занятую руководством облсовета в период переворота, считая, что «следовало решительно осудить ГКЧП». Поименное же голосование за доверие либо недоверие председателю облсовета дало лишь 28 голосов против. Разумеется, это расхождение могло быть обусловлено разными факторами, но отсутствие привычки открыто выражать свое мнение по острым вопросам, думаю, также имело место.

Парализует людей не только страх, но и чувство незащищенности, сознание того, что окружающие не поддержат, предадут — это тоже от прошлого. Помню, как неприятно поразили нас результаты опроса по проблемам социальной справедливости (о котором уже шла речь). Уверенность в том, что в случае конфликта с администрацией товарищи по работе поддержат, выразил лишь каждый пятый. Проводя опрос через год уже не на предприятиях, а по месту жительства в области в целом, мы поставили аналогичный вопрос: «Уверены ли Вы, что в случае конфликта с официальными лицами или организациями Вас поддержат». Только каждый десятый теперь выразил такую уверенность. Анализируя результаты опроса по социальной справедливости, мы обнаружили непосредственную связь между самооценкой своих действий в борьбе с несправедливостью и оценкой солидарности: те, кто верит в поддержку, те активнее себя ведут.

Итак, пока мы не преодолеем этот внутренний страх, пока не почувствуем готовность защищать свое человеческое достоинство и достоинство рядом стоящего — ничего хорошего у нас не будет. И что немаловажно понять — не будет и хорошей власти. Не следует питать иллюзий, что власть может быть плохой или хорошей сама по себе без наших усилий. Это относится и к автократам, и демократам. Наивно было бы считать, что последние изначально нравственны и безгрешны.

В демократии лишь то преимущество, что при ней создаются структуры и механизмы, дающие возможность воздействовать на власть «снизу». Наши демократы, пришедшие к власти, уже успели «наломать дров». Но пока они «на виду» и «на слуху», есть возможность нейтрализовать ошибочные действия и не дать развиваться пагубной страсти чинить произвол.

При этом совсем не обязательно, чтобы активными были все «поголовно». Среди социологов принято считать, что достаточно, чтобы 15–20 процентов населения готово было принять активное участие в каких-либо значительных акциях, для того чтобы «дело пошло». Но

чтобы «активные», «идущие впереди» сделали свое и наше дело, необходимо, чтобы было по меньшей мере вдвое больше тех, кто поддерживает активных граждан «в душе». Граница между «молчаливо-поддерживающими» и «активнодействующими» подвижна и она может резко измениться в период чрезвычайных ситуаций. Об этом свидетельствуют, например, и события путча, когда активно проявила себя молодежь. Судя по опросам, молодежь и до этого была наиболее радикальной группой населения, но практически не проявляла себя в активных действиях, не играла сколько бы значимой роли в общественно-политических движениях.

Кстати, одесситы, судя по опросам, тоже представляют собой эту загадку: будучи радикально настроенными, они предпочитают не проявлять себя в различного рода «акциях протеста», не спешат войти в различного рода партии, общественно-политические движения. Но серьезной ошибкой было бы отождествлять «молчаливое большинство» с «агрессивно-послушными».

Да, большинство нашего населения промолчало. Большинство это было разнородно: были и равнодушные, безучастно относящиеся к перевороту, и те, которые в душе осуждали, но не проявили своего отношения, и те, кто ожидал, куда повернет. Но общие «преобразовательные» настроения и наличие активных, преодолевших страх людей — все это оказалось той критической массой, которая остановила надвигающуюся диктатуру. При этом значительная часть людей, участвовавших в этих событиях, пришла именно для того, чтобы реализовать свой нравственный выбор. Так объяснил, например, свой приход в Белый дом Никита Михалков: «Я защищал не Горбачева и не Ельцина, я защищал свое человеческое достоинство».

Наш бывший соотечественник Аркадий Львов в интервью, данном газете «Знамя коммунизма», сказал: «Как мне кажется, все решили не люди, вышедшие на защиту так называемого Белого дома, все зависело от позиции армии, группы «Альфа», частей спецназа» («ЗК» от 21 августа). Действительно, сейчас мы узнаем, как помогали предотвратить победу диктатуры и солдаты, и офицеры, и работник аппарата ЦК КПСС (поставляющий важную информацию), и шифровальщик, сохранивший секретные документы, которые предписано было уничтожить, и мн. др. Но разве это не народ? И если возможность широкого неприятия позиций ГКЧП не принималась его членами в расчет, то не свидетельствует ли это о полном отрыве их от народа, о несоответствии идейных и нравственных позиций власти и народа?

20–21 августа социологические службы провели опросы, результаты которых представительны для взрослого населения страны. Выяснилось, что законность переворота признавалась в среднем 15–20 процентами населения. Т. е. даже в обстановке высокой неопределенности, как отмечает сотрудник ВЦИОМа доктор философских наук Ю. А. Левада, подавляющее большинство населения не приняло переворота. Он же указывает на те группы населения, которые прежде всего склонны были к такой поддержке — это люди старших возрастов, менее образованные, скорее сельские жители, чем горожане.

Думаю, что основной итог неудавшегося переворота состоит в следующем: мы увидели, что можем, когда мы вместе, когда отстаиваем свою позицию, человеческое достоинство, свой нравственный выбор (а он всегда есть у человека, даже тогда, когда выбирают между жизнью на коленях и смертью). Но важно быть стойкими не только в противостоянии, но и в созидании. Для того, чтобы создать новые формы хозяйственной, общественной и культурной жизни и отстоять все то лучшее, что было в прежней, нужно иметь мужество и умение, гуманистические нравственные ориентиры, предполагающие приоритет интересов личности над интересами класса, нации, государства.

Я хотела бы закончить свои размышления словами, которые наши кинематографисты избрали в качестве девиза, собравшись после путча и обсудив его итоги: «Не верь, не бойся, не проси!»

*И. ПОПОВА,
профессор, доктор философских наук*

ПОПРАВКА

В номере за 4 октября по вине корректуры была допущена ошибка. Название статьи И. Поповой следует читать: «Власть и народ. Размышления по поводу государственного переворота».

Приносим автору свои извинения.

ЗАЯВЛЕНИЕ БЮРО ЮЖНО-УКРАИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ УКРАИНЫ (В СОАВТ.)

В связи с предстоящим общереспубликанским референдумом бюро Южноукраинского отделения Социологической ассоциации Украины считает необходимым определить свою позицию.

Исследования, проведенные в 1989—1991 г.г. (последнее в октябре 1991 г.) по различным проблемам (динамика социально-политических представлений, межнациональные отношения, языковая ситуация и др.), анализ данных социальной статистики свидетельствуют о проявлении следующих тенденций:

— большинство населения Одесской области поддерживает идею независимости Украины. При этом 2/3 видят ее в составе нового содружества равноправных суверенных государств и 1/4 разделяет представление о самостоятельной суверенной Украине вне Союза;

— более половины населения области считает необходимым иметь, по желанию жителей тех или иных регионов, два государственных языка.

Мы считаем, что игнорирование предпочтений населения и неучет в государственной политике реальной ситуации могут привести к кризисным явлениям. Известно, что конфронтация и обострение межнациональных отношений возникали в отдельных регионах страны именно после объявления независимости и форсированного введения закона о языке. Поэтому нельзя игнорировать исторические и культурные традиции Одесской области — единственной среди областей юга Украины, которая формировалась в русле многонациональных культур (самый высокий процент межнациональных браков, фактически одинаковое употребление населением русского и украинского языков, высокая отдача в общенациональный фонд науки и искусства и др.). Относительное спокойствие в нашей области ни в коей мере не должно быть нарушено.

Последние опросы подтверждают, что та часть населения области, которая определяет развитие научного, технического и культурного

потенциала республики (научные и технические специалисты, руководители предприятий и организаций, квалифицированные рабочие, студенчество), предпочитает в качестве языка делового общения русский. Форсированное введение одного государственного языка в нашей области, которое уже начало осуществляться, приведет к снижению общего научного и технического уровня, отвлечет от решения актуальных задач социально-экономического развития независимой Украины. Именно решение этих задач 85 % жителей Одесщины считают первоочередными, а половина населения выступает за быстрый и решительный переход к рыночной экономике. Решение же политических проблем выдвигает на первый план только каждый десятый из жителей области. Это свидетельствует о необходимости наполнения политической идеи независимости и суверенитета конкретным правовым и экономическим содержанием.

Решая проблему независимости Украины, нужно исходить из сложившихся историко-культурных традиций и реальной социально-политической ситуации в различных регионах республики. Только такой подход будет эффективным и бесконфликтным.

Бюро Южноукраинского отделения Социологической ассоциации Украины считает необходимым, чтобы референдуму предшествовало принятие ряда документов, дающих населению конкретные социальные, экономические и правовые гарантии защиты интересов личности в независимой Украине. Особо следует обратить внимание на предоставление регионам широких прав самостоятельности хозяйственного и культурного развития.

Для того чтобы референдум дал возможность выразить интересы населения в наибольшей степени, считаем необходимым дополнительно к основному вопросу об одобрении или неодобрении независимости Украины добавить следующие уточняющие вопросы:

1. Нужно ли Украине вместе с другими республиками создать содружество равноправных и суверенных государств?
2. Следует ли признать русский язык вторым государственным языком?

Если эти вопросы (возможно, в несколько иной формулировке) не будут вынесены на общереспубликанский референдум, предлагаем областным и городским Советам народных депутатов Южноукраинского региона обсудить вопрос о дополнительных бюллетенях.

Заявление принято на заседании бюро 15 октября 1991 года.

НЕТЕРПЕНИЕ И НЕТЕРПИМОСТЬ. ЗАМЕТКИ СОЦИОЛОГА

ПОСЛЕ ТОГО, как в печати было опубликовано заявление бюро Южноукраинского отделения социологической ассоциации Украины («ВО», 24.X.91 г.), у нас раздался звонок. Сердитый голос обозвал членов бюро «новоотбросами» (имелись в виду, очевидно, «новороссы»), изрек много других аналогичных «любезностей». Но к «новороссам» никто из нас не имел ни малейшего отношения. Звонивший просто не понял, а скорее — не захотел понять, о чем шла речь в заявлении. Однако агрессивный тон высказанных им обвинений — следствие того, что он усмотрел в документе измену идее независимости Украины, враждебность в отношении украинского народа.

Приписывание «враждебности» в том случае, если выражается хоть какая-либо озабоченность тем, какой будет независимая Украина, — версия старой тоталитарной привычки во всем искать врага. Сразу оговорюсь, что особая агрессивность и склонность отстаивать национальную идею непременно «в борьбе за это» характерны прежде всего для политиков (как находящихся у власти, так и представляющих оппозицию). При этом политиков мало заботит, насколько их представления и их «горение» соответствует настроениям и накалу страстей основной массы населения. В политической борьбе действуют старые, но в конечном счете не оправдывающие себя средства борьбы: если врага нет, его следует выдумать.

Итак, как создаются враги, какие версии распространяются и есть ли для этого основания? Главная, тревожащая всех «патриотов» тема — антиукраинские настроения одесситов. Начнем с политического аспекта этой выдуманной проблемы.

За независимость или против независимости жители нашего города? В конце сентября (по опросу социологического центра «Пульс») за независимость высказались 66 проц. опрошенных (по области в целом — 62 %). В ноябре 81 проц. жителей нашего города ответили, что собираются подтвердить Акт о провозглашении независимости Украины. Замечу, что сентябрьские данные вполне соответствовали тем результатам, которые социологическая служба Верховного Совета

Украины получила по республике в целом: определенно поддержали Акт о независимости 59 проц., скорее поддерживали — 15 процентов.

Не выделяется население Одесщины и своим пониманием независимости: здесь, как и в республике в целом, большинство населения считает, что Украине вместе с другими республиками следует создать новый союз (содружество) суверенных государств (таких в сентябре было 59 проц.) и чуть менее трети опрошенных высказались за то, чтобы быть вне Союза. Но ведь одесситы (подумать только, больше даже, чем жители области в целом), хотели бы видеть Украину «вне Союза» — таких здесь 32 проц. в сравнении с 26 проц. За то, чтобы быть в Союзе, высказалось 56 процентов жителей нашего города (в области — 59 проц.).

Ну а как в республике? Да примерно так же. В сентябре были согласны с тем, что Украина должна войти в содружество суверенных государств на принципах конфедерации, 53 проц., а 14 процентов — «скорее согласны». Как видим, «антиукраинские настроения» у одесситов распространены не более, чем на Украине в целом. И не врагов нужно искать, а подумать над тем, как учитывать эти настроения в государственном строительстве. Не грех подумать и о том, почему с марта по сентябрь (если иметь в виду данные трех опросов: двух, проведенных в масштабах области, и одного в трех ее районах) сепаратистские настроения у населения стали менее выражены. Тогда как именно в послепутчевый период сепаратистская тенденция возобладавала среди политиков...

СРАВНЕНИЕ результатов сентябрьского и ноябрьского опросов показывает, что сепаратистские и антисепаратистские настроения в последние два месяца у населения стабилизировались: процент высказывающихся «за» и «против» содружества практически один и тот же. Не потому ли, что последний опрос проводился после некоторого «потепления» отношений, парафирования договора об экономическом содружестве?

К сожалению, программы кандидатов в президенты не учитывают эту озабоченность большинства населения Украины отношениями с будущим содружеством. Пожалуй, основное сходство всех программ — ни в одной нет определенного признания необходимости вхождения в содружество. «Многообразие» вариантов состоит лишь в том, что одни определенно против, позиция других либо расплывчата и не определена, либо в зависимости от обстоятельств (и аудитории!) высказываются то так, то эдак.

Думаю, что этот факт в значительной мере и влияет на неопределенность позиции избирателей, более половины которых (данные по Одессе) за две недели до референдума не определились окончательно с выбором кандидатуры президента. Тогда как выбор независимости Украины окончательным в этот же период считали более 70 проц. опрошенных.

Здесь впору все же сказать о неопределенности вопроса, выносимого на референдум. Ясно, например, как понимать результаты ответа на вопрос, заданный жителям Армении. Вопрос, напомним, звучал так: «Согласны ли Вы с тем, чтобы Армения стала независимым государством вне Союза?» А вот как политики обойдутся с результатами голосования на Украине? Какие выводы сделают, какие политические акции будут обосновывать, опираясь на данные референдума? И не одесская психология порождает озабоченность всем этим, а нормальная человеческая. Я не агитирую ни за ту, ни за другую модель развития независимой Украины. Считаю своим долгом лишь усомниться в успехе тех действий, которые лишь формально будут соответствовать позиции населения, а по существу (в случае произвольного толкования результатов референдума) приведут к еще большему разочарованию и недоверию, которые и сейчас слишком велики (в сентябре определенно доверяли Верховному Совету и правительству Украины лишь 25 проц. опрошенных жителей области и 17 проц. жителей нашего города).

А ТЕПЕРЬ о культурно-языковом аспекте «антиукраинских настроений» одесситов. Действительно ли наши земляки противники возрождения украинского языка и украинской культуры? По-моему, это тоже в лучшем случае недоразумение, ибо обвинение основано на подмене одной позиции другой. Во-первых, озабоченность тем, что преподавание в вузах, делопроизводство, отчетность и прочее собираются переводить на украинский язык, а владение последним предполагают учитывать при аттестации специалистов, выдают за нежелание изучать украинский язык. Во-вторых, русских или так называемых «русскоязычных» обвиняют в том, что они не хотят знать, изучать украинский язык (то ли по тупости своей не понимают, чего себя лишают, то ли — и это, пожалуй, главный довод — настроены так из-за своего высокомерия, антиукраинской позиции и т. д.).

Но откуда следует, что «не хотят»? Во время опроса 1989 г. задавался такой вопрос: «Необходимо ли знать украинский язык русским и другим, живущим на Украине?» Так распределились ответы по раз-

ным позициям (заметьте, практически одинаково ответили и русские, и украинцы):

	Да, необходимо	Желательно	Как сами пожелают	Не надо	Затрудняюсь ответить
русские	25	48	24	2	1
украинцы	24	46	26	1	3

Но одно дело знать язык, чтобы общаться на нем в быту, общественных местах (магазинах, транспорте), а другое дело — работать на нем: вести техническую и другую документацию, готовить отчеты, преподавать, тем более — читать лекции. А перевести, например, работу порта и торговлю флота на украинский язык — шутка ли? Да и есть ли у нас реальные возможности в ближайшие годы научить уже работающих специалистов разного профиля украинскому языку так, чтобы от этого не пострадала культура производства и общая культура, чтобы языковая «перестройка» не мешала выполнять свою работу на должном уровне? Вот ведь о чем идет речь! Но разве это не понятно? И следует ли в этих размышлениях и опасениях видеть враждебность?

В данном случае мы опять себе верны: закон не так уж плох, но многие позиции его, как и относящиеся к языку позиции «Декларации прав национальностей Украины», допускают весьма произвольные толкования. Но главное — подзаконные акты, конкретные решения и заявления, допускающие возможный произвол наиболее усердных должностных лиц.

И это самое важное — правовой защиты от произвола, являющегося результатом неопределенности многих положений закона о языке, у населения нет. Декларативные же обещания, весьма расплывчатые, и неопределенное разграничение государственного и официального языка (Черновил), благосклонное разрешение «пользоваться любым языком» — это не гарантии, обеспечивающие право личности наилучшим способом реализовать свои способности. К этому добавлю, что ни один кандидат в президенты, давая весьма неопределенные обещания, не осудил конкретные документы и публичные заявления на этот счет (например, пресловутое решение коллегии Минвуза о переводе преподавания на украинский язык, решение Киевского Совета, по сути дела, означающее запрет на профессию и др.).

Разве можно так решать такие деликатные и затрагивающие каждого человека, особенно специалиста (и особенно в наше тревожное

время ожидания безработицы и прочих бед) проблемы? Совершенно определенно могу сказать следующее: во-первых, реальная языковая ситуация у нас практически не изучается и политические решения по данному вопросу не основываются на сколько-нибудь серьезных научных данных. Во-вторых, для воплощения благородной идеи возрождения украинского языка и культуры используют, как это у нас всегда бывает, негодные средства.

Ну скажите, стоило ли кричать «ганьба!» и клеймить позором (как это было на форуме одесской интеллигенции) городские власти в ответ на информацию о том, что в Одессе уже не одна, а четыре украинских школы? Ведь дело не в их количестве, а совсем в другом: имеет ли возможность каждая семья, желающая, чтобы ребенок обучался на украинском языке, определить его в школу в своем микрорайоне? И сколько таких желающих? «На данном этапе в конкретной ситуации нашего города нужны не столько украинские школы, сколько классы. Точно так же в вузах необходимо организовать украинские группы и потоки, масштабы которых и их количество будут увеличиваться по мере необходимости. Преподавателям, которые работают на этих потоках, следовало бы доплачивать 25–30 проц., потому что придется затрачивать много дополнительной работы: не хватает ни пособий, ни учебников, требуется серьезная индивидуальная работа со студентами, дополнительное время, затрачиваемое на самообразование.

Возрождение языка и культуры — длительный процесс, который предполагает создание благоприятных условий для развития, а не командно-административное их внедрение. Всякое нетерпение в данном случае приведет лишь к нетерпимости, обострит относительно благополучные межнациональные отношения.

О том, что последние у нас в области и городе пока таковы, свидетельствуют и результаты опросов. В сентябре очень незначительная часть населения (7–8 проц.) ощущала напряженность в данной сфере. Но в два раза более опрошенных ожидают их обострения («в своем городе, селе»). Причем на возможное обострение в большей степени ссылаются представители неукраинских национальностей.

Подавляющее большинство опрошенных в сентябре считали, что для развития коренной украинской национальности не следует создавать преимущественных условий, «для всех национальностей должны быть равные возможности» (в области так считали 83 проц. опрошенных, в Одессе — 88 проц.). В ноябре доля высказавшихся за

«равные возможности» в Одессе даже несколько возросла — так же, как и доля тех, кто согласен с тем, что по желанию населения может быть признан второй государственный язык (от 55 проц. до 60 проц.). При этом разница в ответах (на вопрос о преимущественных условиях для развития культуры и о втором государственном языке), которые давали украинцы и русские, очень незначительна, она не превышает 5 процентов.

БЕЗУСЛОВНО, политики должны знать реальную ситуацию, изучать настроение людей и не приписывать им того, чего нет. Например, обвинения в том, что признание необходимости референдума и целесообразности федеративного устройства Украины, тоже проявление антиукраинских настроений — явное недоразумение, свидетельство некомпетентности. Анализ результатов проведенных опросов говорит о том, что среди высказывающихся за необходимость референдума и федеративного устройства больше сторонников независимости Украины и даже более тех, кто хотел бы видеть Украину вне Союза.

Изучение процессов обострения межнациональных отношений в других регионах свидетельствует о следующем: обострение это — результат примитивных, нецивилизованных способов пробуждения национального самосознания и национального достоинства. И ведь в совершенно разных местах приводятся одни и те же «исторические аргументы»: мы — самые древние, с самой ранней государственностью, самые угнетаемые и т. д. Одно идолопоклонство заменяется другим, один миф приходит на смену другому. Примитивизм и явное искажение фактов раздражают, порождают противодействие, стремление что-то доказать, опровергнуть, т. е. появляются все признаки мнимой враждебности. Серьезным фактором, провоцирующим напряженность, как я уже писала, является форсированное и необдуманное введение закона о государственном языке.

Идеи возрождения языка и национальной культуры становятся средствами политической борьбы — отсюда нетерпение, порождающее нетерпимость. Десятилетия и более, необходимые для возрождения, не устраивают политиков, которые ловят момент, стремятся не упустить свой «звездный час». Соответственно выбирается подстегивающая тактика, используются возбуждающие призывы, спекулируют на благородном чувстве национальной гордости, нагнетают национальный психоз. Побочные результаты всего этого (кроме основной цели — добиться государственной независимости) известны: даже на-

роды, издавна живущие в дружбе, начинают сомневаться друг в друге, определять врага и соратника по национальному признаку.

Только один путь может привести Украину к желаемой свободе и независимости: когда интересы личности ставят выше интересов и государства, и нации, выше того, что называют «национальной государственностью».

И желание идти по этому пути должно подтверждаться не только декларациями, но и конкретными делами, влияющими на нашу повседневную жизнь. В любом случае мы должны знать, что провозглашение независимости — это только начало пути.

Ирина ПОПОВА,
профессор